

ОБМЕНЕННЫЙ ВЗГЛЯД: К ИСТОРИИ ТВОРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА И ВЛАДИМИРА ЭРНА

Олег Марченко

Весть мощных вод и в веяньи прохлады
Послышится, и в их растущем реве.
Иди на гул: раздвинутся громады,
Сверкнет царица водометов, Тревви
Сребром с палат посыплются каскады;
Морские кони прянут в светлом гневе;
Из скал богини выйдут, гостье рады,
И сам Нептун навстречу Влаге-Деве.
(Вяч. Иванов)

Любой новоприбывший в Вечный город, разыскивая одно из его роскошных чудес – причудливо сокрытое от дальнорозоркого взгляда – сумеет оценить размеренную точность описаний Вяч. Иванова в его *Aqua Virgo (Ave Roma. Римские сонеты. VIII)*. О точности и продуманности слова как неременной черте замкнутой системы символического языка поэта говорил С.С. Аверинцев, приводя в качестве примера шуточное стихотворение Вяч. Иванова (из его новогоднего письма В.Я. Брюсову), где “милый Эрн” назван “юным Сведенборгом”.¹

Тема творческих отношений Вячеслава Иванова и его близкого друга Владимира Францевича Эрна (1882-1917) достаточно обширна. Коснусь лишь нескольких ее моментов: хотелось бы прояснить, в некоторой кон-

¹ “Описывая встречу нового 1905 г., поэт, во-первых, говорит о попытках в обществе молодого тогда Эрна угадать будущее России в начинающемся роковом году (что заставляет вспомнить об актах ясновидения Сведенборга, провидевшего, по известной версии, пожар в Стокгольме), во-вторых, упоминает шведскую этимологию фамилии Эрна, после чего только естественно, что Эрн назван “юным Сведенборгом”. Историческое имя, превращенное в символ, употреблено в поэтической шутке Вяч. Иванова с большей обдуманностью и семантической точностью, чем в куда более серьезных строках Андрея Белого [в его поэме “Первое свидание” – О.М.]...” (Аверинцев С.С. “Скворешниц вольных граждан...” Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб, 2001. С. 134, 133).

цептуальной их связности, ряд цитат из Вяч. Иванова в работах Эрн и несколько цитат из Эрн в работах Вяч. Иванова, – сочинения серьезных, шуточных и снова серьезных.

“Для меня вся русская философская мысль, начиная со Сковороды и кончая кн. С. Н. Трубецким и Вяч. Ивановым, – писал в своей славной книге Эрн, – представляется цельным и единым по замыслу философским делом. Каждый мыслитель своими писаниями или своей жизнью как бы вписывает главу какого-то огромного и, может быть, всего лишь начатого философского произведения, предназначенного, очевидно, уже не для кабинетного чтения, а для существенного руководства жизнью. Несмотря на ‘пафос расстояния’, отделяющий Вл. Соловьева от славянофилов, или Лопатина от Вяч. Иванова, между всеми (повторяю, оригинальными) русскими мыслителями есть какой-то ‘тайно обмененный взгляд’. Что-то единое видится и предчувствуется всем представителям русского философского самосознания, и диалектика, искание жизнью, европейская образованность, варварская стихийность, чудачество и трагизм личных переживаний – все различными путями ведет к одному, и все различными тонами вливается в одно симфоническое целое. Я не говорю, чтобы не было разногласий. Разногласия есть и не малые, но разногласия эти диалектического характера и снимаются более глубоким синтетическим устремлением”.²

Вот этот “тайно обмененный взгляд” – цитата по памяти из статьи Вяч. Иванова *Кризис индивидуализма* (впервые: Вопросы жизни. СПб., 1905. № 9; вошла в книгу *По звездам*, СПб., 1909). Здесь Иванов, говоря о первых “героях нашего времени”, тех, кто и “доныне плоть от плоти нашей и кость от костей наших” – Дон-Кихоте, Гамлете, Макбете, Лире – утверждал: “Эти вечные типы человека глядят не только в вечность. Есть у них, разлученных от нас тремя столетиями, особенный, проникновенный взгляд и на нас. Есть у них и промеж себя взаимно обмененный взгляд таинственного постижения. Они поднялись из небытия под общим знаком. Их связывает между собою нечто пророчественно-общее” (I, 831). Присутствие в описании основного характера русской философии этой цитаты из “Кризиса индивидуализма” создает очень важный для развертывания мысли Эрн контекст. Сервантес и Шекспир, явившие “духу запросы нового индивидуализма”, – они же намечают вместе с Шиллером и “исход (или возврат) из героического обособления в хоровую соборность духовной свободы” (там же). А вышеназванный ряд русских мыслителей уже вырабатывает, говоря словами Вяч. Ива-

² Эрн В.Ф. Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. М., 1912. С. 24-25.

нова, “некоторый синтез личного начала и начала соборного” (I, 839), – на непростом пути к тому, что Эрн называл “логизмом” оригинальной русской философии.³

Книгу о Г.С. Сковороде для “путейской” серии “Русские мыслители” Эрн закончил уже в Риме, будучи командирован в Италию Московским университетом с целью подготовки диссертаций, посвященных творчеству итальянских философов XIX в. Антонио Розмини и Винченцо Джоберти. В 1911-1912 гг. он жил со своей семьей на Via Babuino, в 1913 на соседней Via Bocca di Leone, а в нескольких сотнях метров от его квартиры – в угловом доме на Piazza del Popolo – жил с женой Верой и дочерью Лидией Вяч. Иванов. Друзья общались едва ли не ежедневно, обсуждая самый широкий круг проблем, от идей Л.Н. Толстого (Эрн работал над этой темой, Вяч. Иванов уже напечатал свою статью *Лев Толстой и культура* в 1-й кн. журнала “Логос” за 1911 г.) – до сходства и различий православия и католичества.⁴ Здесь Эрн напишет *Письма о христианском Риме*, а также важные работы *Природа мысли* и *Природа научной мысли* (их будет публиковать в “Богословском вестнике” его редактор о. П.А. Флоренский, друг Эрн с детских лет). И многое из этой тематики получит в дальнейшем причудливое, шутовское и серьезное, выражение в сочинениях обоих.

Так, в рукописном журнале “Бульвар и переулок” 1915 г., опубликованном в 1994 г. В.Ю. Проскуриной,⁵ наряду с прочим содержится за-

³ Об Эрне и его концепции “логизма” см.: *Марченко О.В.* Очерки по истории философии. М., 2002. С. 158-230. Что касается выражения “пафос расстояния” (Pathos der Distanz) – то это очень распространенная цитата из Ницше (“К генеалогии морали”). Вяч. Иванов употребляет ее, к примеру, в статье 1910 г. *О поэзии Иннокентия Анненского* (II, 580).

⁴ См. *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце /Подгот. текста и коммент Д. Мальмстада. М., 1992. С. 50-52; *Марченко О.* Владимир Эрн и его книга о Григории Сковороде // *Волшебная Гора: Философия, эзотеризм, культурология.* Т. VII., 1998. С. 10-25 (здесь же подготовленное мною переиздание самой книги Эрн: С. 26-157); *Марченко О. / Marčenko O.* Личность и учение Льва Толстого в размышлениях русских философов начала XX века / *La personalità e la dottrina di Lev Tolstoj nelle riflessioni dei filosofi russi dell'inizio del XX secolo* // *Сборник материалов симпозиума “Л.Н. Толстой (1828-1910) и Церковь его времени” (14-15 декабря 2009 года) / Atti del simposio “Lev Tolstoj (1828-1910) e la chiesa del suo tempo” (14-15 dicembre 2009).* Тула, Издательский дом “Ясная Поляна”, 2011. С. 197-221, 222-246. См. также: *Марченко О.В.* *Fabulae selectae.* М., 2016. С. 77-107, 109-133.

⁵ См.: *Проскурина В.* Рукописный журнал “Бульвар и переулок” (Вяч. Иванов и его московские собеседники в 1915 году) // *Новое литературное обозрение.* М., 1994. № 10. Вячеслав Иванов. Материалы и публикации / Сост. Н.В. Котрелев. С. 173-208.

мечательный пастишь Вяч. Иванова *Бедный викинг* с автокомментарием (подписано: Поверенный в делах Фрины, – т. е. Эрна), а также шуточный текст Эрна “Бульварная пресса и переулочные точки зрения” (за подписью Гуляющий слон).⁶ Приведу по этой прекрасно подготовленной и снабженной ценными примечаниями публикации текст Вяч. Иванова, стараясь со своей стороны прояснить некоторые его детали, в одних аспектах соглашаясь, в каких-то уточняя, а где-то и оспаривая комментарии В.Ю. Проскуриной.

Бедный викинг

Жил в России викинг бедный
Как приват-доцент простой,
С виду тихий и безвредный,
Духом смелый и прямой.

Он изведал умозренье
Непостижное уму,
И навеки впечатленье
В сердце врезалось ему.

По хвосту одной Идеи
Раз взобравшись на звезду,
Видел он, как в Эмпиреи
Вел Эрот Сковороду.

С той поры сгорев душою,
Он на Канта не смотрел,
Из трех Критик ни с одною
Молвить слова не хотел.

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А.У. рыцарскою кровью
Начертал он на щите.

И в песках гносеологий,
Где, устроив кегельбан,
Метил шаром Метод строгий
В “данности” фата-морган, –
“Lumen Coeli, Sancta Rosa” –
Воскличал он, дик и рьян,

⁶ *Слон* – прозвище Эрна в дружеском кругу, что сказалось, кстати, в очередной стихотворной шутке – написанном совместно Вяч. Ивановым (подписавшимся *Фрина*) и Ю. Верховским сонете в честь успешной защиты Эрном весной 1915 г. диссертации о А. Розмине: “Кавказского Слона заезжий Слон...” (опубл. *Шишкин А.* Вяч. Иванов и сонет Серебряного века // *Europa Orientalis*. 18 (1999) 2. С. 252-255, см. цветную вклейку 2).

И, как гром, его угроза
Поражала кантиан.
В факультет провинциальный
Министерством заключен,
Стан грома трансцендентальный,
“Заслуженным” кончил он.⁷

Обратимся к шестому четверостишию:

- 1) И в песках гносеологий,
- 2) Где, устроив кегельбан,
- 3) Метил шаром Метод строгий
- 4) В “данности” фата-морган, –

1) В новоевропейской философии, философии субъекта, со времен учения о методе Декарта и сенсуализма Локка, теория познания выдвинулась на первый план, в том числе и в неокантианстве. Важно, что исследовательский интерес самого Эрна был связан с гносеологией; в противовес новоевропейскому “рационализму” мыслитель пытался отстаивать позицию антично-христианского онтологизма, согласно которой теория познания может быть построена только в рамках теории бытия, а не наоборот. “Первое, что бросается в глаза в гносеологии Соловьёва, это то, что он совершенно не признаёт абсолютной, в себе замкнутой самодовлеющей теоретико-познавательной дисциплины. Он никогда и не пробовал становиться на схоластическую и в корне фиктивную точку зрения, столь модную среди современных гносеологов, будто гносеология есть абсолютно самостоятельная область мысли [...] не нуждающаяся ни в каких положениях общего философского характера”.⁸

⁷ *Проскурина В.* Рукописный журнал “Бульвар и переулок”... Приложение. С. 199-200.

⁸ *Эрн В.Ф.* Гносеология В.С. Соловьёва // Сборник первый. О Владимире Соловьёве. М., 1911. С.198. В нач. 1910-х гг. оппонент Эрна, уже в эмиграции в сер. 1920-х гг. об онтологической обусловленности гносеологии как характерной черте русской философии рассуждает С.Л. Франк, называя это “самобытной национальной русской теорией познания, совершенно неизвестной Западу”. Это положение входит и в базовую характеристику русской мысли у В.В. Зеньковского (см.: *Марченко О.В.* К истокам замысла “Истории русской философии” В.В. Зеньковского // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Богословие. Философия. Вып. I:16. М., 2006. С. 105-113; *Он же.* Спор В.Ф. Эрна и С.Л. Франка о специфике русской философии (к вопросу о метафизике социокультурного бытия в русской мысли XX века) // “Самый выдающийся русский философ”: Философия религии и политики С.Л. Франка: Сборник научных статей. М., изд-во ПСТГУ, 2015. С. 23-37.

3) Отсылка к постоянной иронии Эрна над панметодизмом неокантианцев и их русских эпигонов, настоящей методоманией “современных Вагнеров” (напр., *На пути к логизму* – завершающий фрагмент *Борьбы за Логос* 1911 г.).⁹

4) Эта строка отсылает к тому, что Эрн именовал меонизмом (от греч. $\mu\eta\ \acute{o}\nu$ – не-сущее, онтологический нигилизм) новоевропейской философии. “В рационализме самый орган познания – меоничен. Вот отчего последовательный рост рационализма и все увеличивающееся сознание единогодержавия и исключительного значения *ratio* сопровождалось замечательным и единственным в истории мысли процессом универсальной систематической дереализации познаваемой действительности. <...> *Ratio*, тая в своей призрачной сущности все растущий мираж, последовательно захватывая в свою власть одну область мысли за другой, делал все более зримыми и различимыми все детали исторического марева, восставшего над человечеством, но в то же время все глубже порабощал мысль неотступной данностью этого марева, превращая его в единственную, философски и научно признанную действительность и объявляя всю подлинную действительность, не вмещавшуюся в рамки рационализма, не существующей, недействительной, относящейся к области субъективного вымысла”.¹⁰

2) “...Устроив кегельбан...” Публикатор полагает, что это выражение берется уже из арсенала противников Эрна, а именно из рецензии Б.В. Яковенко на *Борьбу за Логос*. Это утверждение, на мой взгляд, противоречит самой логике повествования; во всяком случае, источник с легкостью обнаруживается у самого Эрна, в той же книге о Г.С. Сковороде. Речь идет о том, что русский мыслитель именовал имперсонализмом новоевропейской философии: “Личное начало для чистого *ratio* по существу иррационально и потому все рациональное должно быть мыслимо вне категории личности. Имперсонализм <...> должен был все

⁹ Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991; см., напр.: С. 278-279, сл.

¹⁰ Эрн В.Ф. Григорий Саввич Сковорода... С. 13. Ознакомившись с этими рассуждениями 8.04. 2016 г., Г.В. Обатнин сделал предположение, что эта строчка Вяч. Иванова – автоцитация, отсылка к стихотворению 1910 г. “*Fata morgana*” (II, 305). Это более чем вероятно, в особенности учитывая чрезвычайно важный и для Вяч. Иванова, и для Эрна мотив *зеркальности* в стихотворении и названии II книги *Cor Ardens – Speculum speculationum*, куда оно включено. Подчеркну, однако, принципиальность понятия “данность”: с т. зр. Эрна, на такой призрачной *данности*, как “факт научного знания” зиждется мысль кантианства и неокантианства – версий новоевропейского “рационализма”. Характерный мотив рассуждений Эрна: предпочитая, подобно Ивану Карамазову, оставаться “при факте”, новоевропейский “рационализм” неуклонно движется к безумию.

познаваемое подчинить исключительному господству категории вещи. <...> Отсюда неизбежный союз рационализма с механистической точкой зрения". Природа "вполне и исключительно укладывается в схему механизма". "...Отныне вся совокупность мыслимого стала насквозь рациональной, и рационалистическая мысль по всему уравненному и подчищенному полю "действительности" могла беспрепятственно кататься и перекатываться, как кегельный шар на ровной площадке"¹¹

Согласно Эрну, в отрицании природы как живого бытия заключается корень кризиса новоевропейской философии. "На месте *φύσις* античности с замечательной последовательностью мысли новая философия создает пышный мейонический миф" (*Борьба за Логос*).¹² Идею эту развивали П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, и особенно – А. Ф. Лосев в *Диалектике мифа*. А мысль Эрн – глубокая, оригинальная – о том, что под "рационалистическим" взглядом Природа, живое бытие, предстает бездушным механизмом, механической маской, великолепно разворачивается в работах *Природа мысли* и *Природа научной мысли*, где философ говорит, с неперменной отсылкой к Г.С. Сковороде, о законе метафизического эха. "Познание человека подчинено принципу метафизического эха. Оно обусловлено онтологией его собственного, субъектного личного бытия. <...> Как аукнется в субъектном бытии человека, так откликнется и в многочисленных сферах познаний его, из совокупности которых слагается для него картина мира"¹³ Это "аукнется – откликнется" присутствует и в "Рыцаре бедном", в пятой строфе:

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А.У. рыцарскою кровью
Начертал он на щите...

и особенно в автокомментариях к ней: "За изъяснением таинственных букв А.У., начертанных на щите викинга, мы обратились к первому астроплатонику и иерософисту нашего времени, р. Firenze. Его толкование: "Aphrodite Urania", или "Ave Urania". В редакции "Логоса" ду-

¹¹ Эрн В.Ф. Григорий Саввич Сковорода... С. 16-17.

¹² Эрн В.Ф. Сочинения. С. 47.

¹³ Эрн В.Ф. Природа мысли // Богословский вестник. 1913. Т.1. № 4. С. 813. Важность этой идеи для общей концепции Эрн подчеркнута в работах: Марченко О.В. Эрн Владимир Францевич // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., Наука, 1995. С.613-616; [Марченко О.В.] В.Ф. Эрн: Борьба за Логос // История русской философии. М., Республика, 2001. С.491-497.

мают, напротив, что ими изображается русское междометие “ау”: платонический викинг аукается, тщетно ожидая сочувственного отклика из темных дебрей всеобщего, как ему кажется, умопомрачения. Историк г. Кизеветтер, с своей стороны, усматривает в загадочных инициалах начальные буквы всеместно прогремевшего трактата:

A Kantio
Usque ad Kruppium” и т.д.¹⁴

Эти шуточные (и притом основательно-неслучайные) толкования не могут, однако, скрыть чрезвычайной исходной и конечной серьезности: идея Эрна о “метафизическом эхе”, появившаяся, продуманная и высказанная им, возможно, в римские (1911-1913) годы, произвела на его старшего друга очень сильное впечатление. Она подкрепляла, оттеняла и углубляла его собственные, вдохновленные некоторыми идеями их общего учителя В.С. Соловьева, настойчивые размышления о зеркальности познания и бытия (“Человек, в тварном сознании зависимости познания своего от некоей данности, кажется себе самому похожим на живое зеркало” и т.д.).¹⁵ Весомое обоснование этого последнего утверждения находим в очень важном для Вяч. Иванова тексте, где присутствует самая большая во всем корпусе его текстов цитата из сочинений его друга, из *Природы научной мысли*; здесь идея метафизического эха подается Эрном в очень близком Вяч. Иванову софиологическом ключе (и опять с неременной отсылкой к Г.С. Сковороде). Речь идет о предисловии Вяч. Иванова к предполагавшемуся посмертному переизданию повести Л.Д. Зиновьевой-Аннибал *Тридцать три урода* (повидимому, 1918-1921, публикация Г.В. Обатнина). Прошу извинить обширность цитаты: “Символическое повествование раскрывает общий

¹⁴ *Проскурина В.* Рукописный журнал “Бульвар и переулоч”. Приложение. С. 200.

¹⁵ *Иванов Вяч.* Религиозное дело Владимира Соловьева // III, 303. И все вместе это опирается на парменидовско-платоновскую модель *круглого мышления*, модифицированную неоплатонической триадой *пребывание – исхождение – возвращение* (μονή – πρόβδος – ἐπιστροφή). См.: *Марченко О.В.* К вопросу о критике “ratio” В.Ф. Эрном // *Философия и культура в России: методологические проблемы.* М., ИФРАН, 1992. С. 83-90; *Он же.* Le thème du “rationalism” de la Nouvelle Europe chez Pavel Florenski et Vladimir Êrn: quelques aspects // Pavel Florensky et l’Europe. Sous la direction de Florence Corrado-Kazanski. Bordeaux, MSHA, 2013. P. 47-60; *Он же.* Круглое мышление (об одном понятии у Флоренского и Эрна) // “Философствовать в религии”: материалы конференции, посвященной столетию выхода книги “Столп и утверждение Истины” о. Павла Флоренского / [Сост. К. М. Антонов]. – М., изд-во ПСТГУ, 2017. С. 64-75.

закон нисхождения божественной сущности в условное бытие (мэон) искаженного, искажающего мира, – писал Вяч. Иванов. – В этой жертвенности истинно сущего животворящее назначение. Все вещи и суть лишь постольку, поскольку они причастны истинно сущему – платоновской Идее; иначе им было бы отказано даже в условном и относительном бытии. И каждая из тех “любовниц” все же и “Царица”. “Тридцать три любовницы, – тридцать три Царицы”. Тому же закону нисхождения подчинена Вечная Женственность, как в ипостаси Красоты, так и в другой своей ипостаси – Души Мира, тело которой мы зовем Природою. И как юная красавица повести делается тем, чего от нее ждут, — подобно тому и Природа в своем явлении предстоит нам такою, какую вызывает ее человеческий дух: как эхо, откликается она ему на языке обращаемых к ней заклинаний”. И далее следует примечание, которое составляет 1/10 объема всего ивановского текста: “Так учил о “Вселенском эхо” Вл. Эрн, философ Платоновой церкви в теснейшем и внутреннем значении этого слова, – рано ушедший близкий друг как пишущего эти строки, так и автора изучаемой повести. С изумительной силою и зоркостью узрения характеризует он, в исследовании *О природе научной мысли* (1914 г.), последнее превращение Природы в зависимости от направления испытующего ее человеческого ума: “По закону метафизического эхо, на основной зов новой истории вселенная должна была ответить соответствующим эхом: раскинуться под сознанием человека бездушно-безжалостным призраком механизма, и иллюзия, которой возжелал человек, должна была стать, говоря по-кантовски, объективной, т. е. потенциально-всеобщей... Поистине беспредельным и достойным безмерного удивления нам представляется разум божественный не потому, что вселенная имеет конструкцию бесконечно-сложного механизма, а потому что вселенная, будучи божественною поэмой и ничего общего не имея в онтологическом порядке с механизмом, обладает в своей неизмеримой многосторонности тою пластичностью и тою отзвучностью, которая позволяет Космосу в определенный эон истории обернуться механизмом, прикинуться беспредельною машиной – и сделать это с такою артистичностью, что разум человеческий, находящийся под властью низших понятий и рассуждений, под схемою механизма, не может ни в одном пункте мира найти перерыв и выйти из замкнутой сферы мертвой причинности... В непроницаемых глубинах заложена возможность вселенской механистической маски, т.е. возможность для мира предстать перед насильственными методами рационалистической мысли беспредельным механизмом, так, что все естествознание при этом допущении может исследовать не строение мира, как

такового, а лишь сложное и невероятно искусное строение вселенской маски”¹⁶.

В заключение этих наших нехитрых заметок подчеркнем, что обменный взгляд, оклик и отклик, отражение-отторжение-приятие предполагает в качестве своего онтологического основания исход и возврат. Встречный “взгляд” ватиканского аполлонова торса, требующего от созерцателя: “изменись!” (Du musst dein Leben aendern) у Рильке. Палинодия-возврат к отеческим святыням, определяющая путь оригинальной русской мысли, искушаемой новоевропейским *ratio* – в концепции молодого Эрн. Умудренно-благостное, равновесно-точное у позднего Вяч. Иванова:

О, сколько раз, беглец невольный Рима
С молитвой о возврате в час потребный
Я за плечо бросал в тебя монеты!

Свершались договорные обеты:
Счастливого, как днесь, фонтан волшебный,
Ты возвращал святыням пилигрима.

¹⁶ *Иванов Вяч. И.* Предисловие к повести Л.Д. Зиновьевой-Аннибал “Тридцать три уroda” // *De Visu*. 1993. № 9 (10). С. 27. См.: *Эрн В.Ф.* Природа научной мысли. Сергиев Посад, 1914. С. 44-45. См. также: *Марченко О.В.* *Fabulae selectae*. С. 151-173.